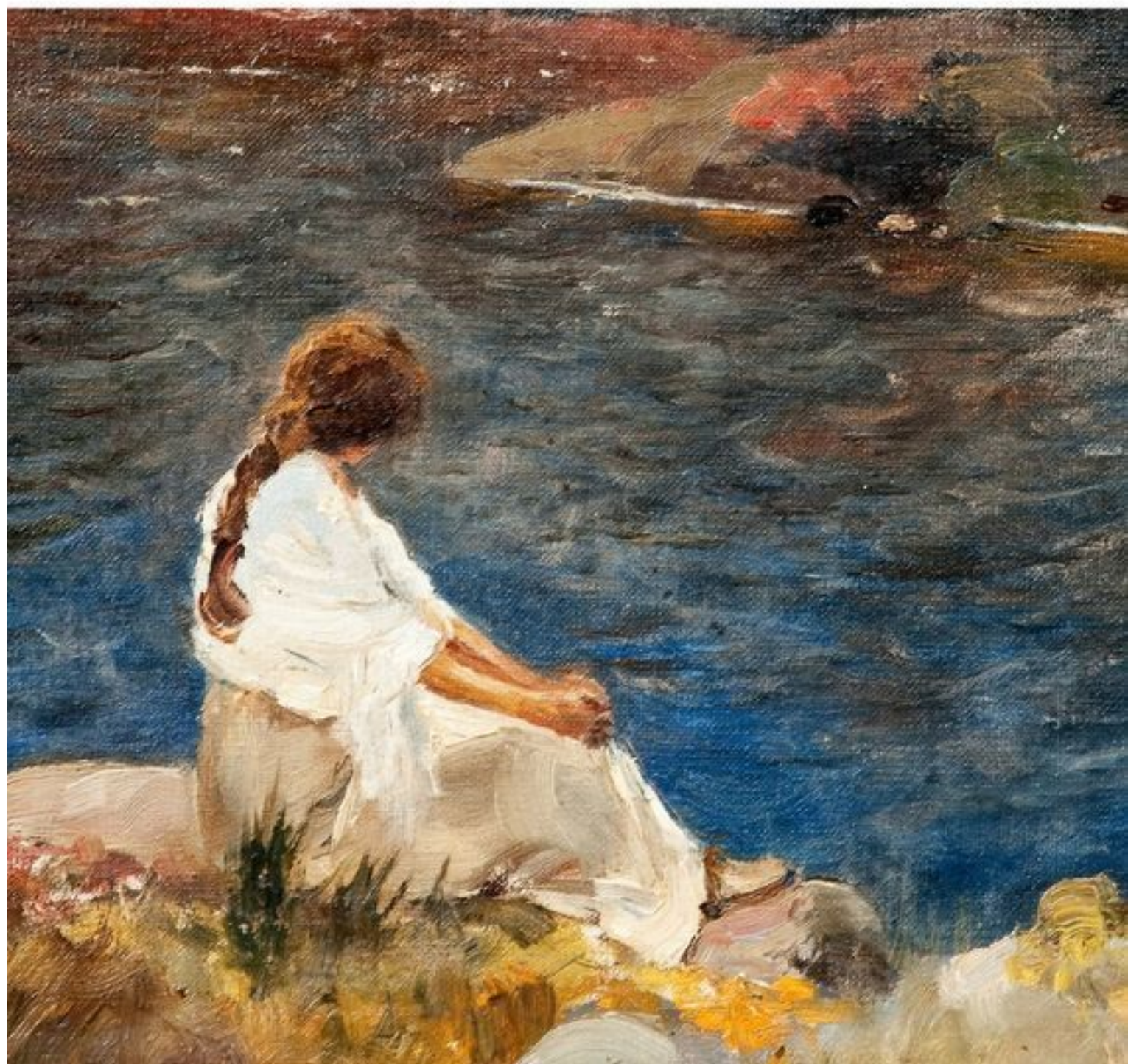

Борис Сафин
Фенька

Повесть военных лет

Борис Сафин

Фенька. Повесть военных лет

«Издательские решения»

Сафин Б. Г.

Фенька. Повесть военных лет / Б. Г. Сафин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742614-9

Украинская девочка Фенька, как и её друзья, счастлива в своем родном селе. Не ведать ей, что черный ворон войны уже распустил свои безжалостные когти. Непросто было полуграмотной девочке вырваться из его смертельных объятий. Но Фенька не одна! С ней сильные, храбрые люди, любящие свою родину, и верные друзья. Это они научили её терпеть, бороться, любить и побеждать. И сопереживать, и жалеть...

ISBN 978-5-44-742614-9

© Сафин Б. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фенька

Повесть военных лет

Борис Глимханович Сафин

© Борис Глимханович Сафин, 2018

ISBN 978-5-4474-2614-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из личного альбома автора. «Мама. 1946 г»

Из личной электронной почты автора:

«6 марта 2014 года. Рязань.

Привет Влад и Ленуся! Каждый день до двух часов ночи смотрим новости про Украину. Очень переживаем за всех наших. Помоги Бог здоровым людям остановить этих, одурманенных нацистами и фашистами, мальчишек! Вы должны знать: – у вас есть кров и защита в Рязани и Казахстане. Надеемся, что скоро этот кошмар закончится. Бабушка Феня тоже очень переживает, несмотря на свои 90 лет. Будете у Радиса и Ольги передавайте привет. Целуем. Борис и Катя»

«1 июля 2014 г. Днепрпетровск. Украина

Д. Боря! Россия не права! Мы же не грузины! Мы славяне! Зачем с нами воевать? Каждый день умирает до ста жителей Украины! Зачем Путин сорит

народы? Мы сами разберемся без помощи других. Ухожу на войну. Буду русских «мочить», извините за словцо. Писать пока не буду, нет силлллл...»

Глава первая

Ольга выскочила из-за куста цветущей сирени, переполошив курей, купающихся в пыли. Кудряшки разметались по плечам, с пылающим румянцем на щеках, в калошах на босу ногу. Вылитый ураган.

– Фенка! Фенька! Бросай свои грядки, нас на майдан кличут. Бежим скорее!

– Що им треба? Я зараз, – Фенька, поправив подобранную на коленях юбку, тряхнув непокорными прядями чернявых волос, вопросительно уставилась на подругу.

– Я не знаю. Кажуть Тарас Петрович заявление будет ставочникам объявлять в честь Первомаю. Може паек объявлять. А еще дядька суровый из району с ним. Айда, бежим!

До майдана рукой подать. Так, небольшая полянка на берегу ставка. Место высокое, на крутом яру. Ставка уже и нет, покоится он на глубине большого озера, что разлилось у истоков речки Бобрик кормилице Сулы. Любят ставочники это место. До самого горизонта вода, взъерошенная лесными островками – как будто бесконечное море еще не испуганных ветром одуванчиков. И только справа угрюмо топорщится темный дубовый лес. На майдане врыт длинный стол из обтесанных на скорую руку досок, да несколько узких скамеек для баб и стариков. Хлопцам и девкам скамейки не нужны – они присмотрели обтертые до блеска бревна, что раскиданы то тут, то там. Да и мужики, сплошь артельщики, облюбовали центральное бревно и дымят цигарками – самокрутками.

– Тарас Петрович! Не тяни быка за главное! Начинай. Горилка ж по избам стоне, як та птица на болоте. Вон и Огарка тута – наше народное радио, газета, почта и телеграф в одном стакане.

– Бугай ты старый, Яцко! И тянуть тебя уже незачто. Одна горилка и стоне...

...Принесли и поставили, перед незнакомым и суровым мужчиной в военной форме, графин с водой, а Тарас Петрович встал, в ожидании окончания веселой перепалки ставочников...

– Прошу сюда! Уважаемые ставочники! Мне, как вашему бригадиру, поручено провести собрание по поводу международного положения и подведения итогов зимовки, а также поздравить ставочников с Днем международной солидарности трудящихся. По первому вопросу слово предоставляется уполномоченному Роменского военного комиссариата товарищу Якименко Кузьме Олеговичу...

Из-за стола поднялся высокий худощавый молодой лейтенант лет двадцати пяти. Видно, что волнуется, но старается придать выражению лица серьезность положения.

– Ой, бабоньки, який худенький! – Огарка выставила вперед живот и положила на них скрещенные накрест руки, – Тарас Петрович! Выдайте нам его на ферму, мы его молочком отпоим, як того Апрельку. Верно, говорю, девки?

Среди молодок оживление. Приска с Одаркой так заерзали на бревне, что даже баба Хивря, сидевшая на его краю, свалилась в траву. Это событие вызвало бурные аплодисменты, но бабу Хиврю на мякине не проведешь и палец в рот не положишь...

– Шо це такэ? Девки! У вас шо, тама маслом намазано, чи шо?

– да не – е, той бривно вspotело...

– Цыц бабы! Переломи меня коромыслом! – Тарас Петрович нервно постучал по графину – Тут дело государственной важности, а вам все хиханьки, да хаханьки. Продолжайте товарищ Якименко.

– Дорогие товарищи! События последнего времени ярко показывают, как Коммунистическая партия, руководимая нашим любимым вождем и искренним ленинцем товарищем Сталиным, ведет весь советский народ к мирному и созидательному строительству коммунизма. Мудрая политика нашего Сталина, как никогда, проявилась в недавних победах с милитаристской Японией и несговорчивой Финляндией. В очередной раз Красная армия доказала свою

мощь и способность защищать интересы народа. Сталин решительно заявил, что мы мирная страна и не позволим кому-либо спекулировать на тему войны. Не случайно народы Бессарабии, Северной Буковины, Западной Украины, Литвы, Латвии и Эстонии пожелали строить свое мирное будущее с Советским Союзом. Заключен и неукоснительно соблюдается Договор о дружбе и сотрудничестве с нашим давним другом Германией. Мы гордимся, что живем в одно время с таким ярким политиком и выразителем воли советского и других народов, как Иосиф Виссарионович Сталин – истинный продолжатель заветов Ленина.

Да, мы знаем, что некоторая, – Якименко выдержал паузу и обвел взглядом сидящих на бревнах мужиков, – Незначительная часть населения, верит слухам о якобы готовящейся войне с Германией. Эти слухи упорно распространяют враги советской власти. Сталин решительно заявил, что угрозы социал – националистической партии Германии о нападении на СССР, всего лишь фантазии некоторых горячих голов. Немецкий рабочий класс не допустит шантаж ярых политиков и правильно разберется в своих внутренних делах. Ведь наши органы разобрались с проявлениями враждебных выпадов украинских националистов на западной Украине. В связи с этим я должен сделать заявление, что недобитые остатки этих трусливых националистов разбрелись по всей Украине и затаились по лесам и оврагам. Неделю назад в соседнем, Глуховском районе, была отловлена группа в составе 3 человек, которая распространяла среди местных жителей листовки антисоветского содержания. Просьба к жителям. Будьте предельно бдительны при походах в лес и в район болот, примыкающих к вашему озеру! Обо всех подозрительных и незнакомых людях немедленно сообщать в местное отделение НКВД или Тарасу Петровичу. Надеюсь, что вместе с вами, мы не допустим, чтобы в нашем районе хозяйничали недобитые враги советской власти. От имени районной партийной организации и военного комиссариата Роменского района поздравляем Вас с международным днем солидарности трудящихся и желаем успешного выполнения всех намеченных планов. Спасибо за внимание.

Аплодисменты нарушили покой стайке воробьев, охотящихся за подсолнечной шелухой поодаль от скамеек и бревен.

Теперь оживление случилось у бревен, где теснились парубки.

– Товарищ уполномоченный? Если хлопцы споймают антисоветчиков, шо им за это буде? Який орден или медаль дадут? Я бы коня гарного хотел! – Захар поправил усы и гордо посмотрел на своих товарищей.

– Подэвись на нёго! А козла, шо с бородой, как у Яхфима, не хочешь?

– Не кучерявь мою гордость, Огарка! Я тоби не слабак який. У мэнэ не забалуешь.

Тарас Петрович опять настойчиво постучал по графину и с важным видом вышел вперед стола.

– Нас, партия и товарищ Сталин призывают к бдительности и осторожности, а вы развели здесь... Переломи меня коромыслом. Давайте поблагодарим товарища Якименко Кузьму Олеговича за важную информацию и, от имени участка нашего колхоза, заверить родную коммунистическую партию и любимого вождя всего советского народа товарища Сталина, что приложим все свои силы, и даже больше, на выполнение грандиозных задач. Сегодня первое мая, день солидарности трудящихся и я хочу перейти к торжественной части. Как вы знаете, зимовку мы пережили очень даже хорошо. Кормов хватило, даже соседям заняли трошки. Лен сохранили, зараз артель повезет в Крым на пеньку. Мора рыбы на озере зимой не допустили, спасибо рыбакам – значит, будем с уловом. Особенно хочу отметить наших животноводов. Скотина ухожена. Отел прошел организованно. Скажу больше. Две коровы принесли по два теленка, такого давненько не наблюдалось, переломи меня коромыслом. Захар! Неси с тарантаса подарки, руки уже чешутся, будем награждать!

– Оце дило! Оце первомай! – бабы взялись дружно поправлять юбки, да передники, а мужики закрывать усы, да смахивать чубы...

Третий участок колхоза Ильича небольшой, всего тридцать дворов. Тарас Петрович отлично знал нужды каждой семьи и тем более их ожидания к празднику. Вручая подарки, не обидел никого. Кому отрез на платье. Кому по два пуда муки. А кому и шаровары атласные. Феньке с Ольгой достались черевички кожаные, да еще и как раз в пору. Ах, Тарас Петрович, всех ублажил!

– Эй, Захар! Тащи гармонь! Спивать будем!

– Подождите спивать! Я еще не закончил мероприятие, – Тарас Петрович, хитро и загадочно улыбаясь, поднял вверх руку, призывая всех успокоиться.

– Я получил согласие от председателя колхоза сделать еще один подарок. Я говорил, что второгодки Звездочка и Збияка принесли по два теленка. Телята были совсем слабенькие, мы даже и не надеялись, что удастся их спасти. Но случилось чудо! Благодаря ласковым рукам и бессонным ночам девчат, которых и самих еще нужно подкармливать, все четыре теленка – две телочки и два бычка – встали на ноги! Поэтому принято решение наградить Федору Синько и Ольгу Коваль бычками, которых они спасли от падежа! Огарка, завтра утром пусть и забируют, ты там проследи. Феня, Ольга, где же вы?

А Феньки уже здесь не было. Фенька была уже на седьмом небе от счастья! Черевички! О таких черевичках Фенька мечтала, стирая босые ноги, на пыльной дороге. Черевички! Как будут завидовать подружки на майдане. Черевички! С пояском и маленьким каблукочком!

– Фенька! Ты уснула, чи шо? Слышишь, нам Тишку и Буяна подарили! Совсем. Тебе Тишку, а мне Буяна. Да очнись, наконец, убери свои черевички, дома будешь любоваться.

– Шо? Брешеш! Тишка топерь мий? – Фенька сама стала похожа на то теля: смотрит, а не видит.

– Айда на ферму! Обрадуем Тишку с Буяном! Нет, айда до дому, сообщим им хорошую новость...

...И не слышали подружки, как разгорелось веселье на майдане. Как мужики и хлопцы давали гапака. Как раззадорилась гармонь в руках у Захара. Как расплескались по берегам напевы Приски и Одарки...

– Мама! Мама! Глянь, яки черевички мне подарили! Казали, что я гарно робила. А еще Тишку, шо я подняла, казали, шо мий.

– Доця моя червона! – мать, смахнула слезы передником, – Побачив бы отец твой Митрофан яка ты взрослая уже. И красавица неписана, и работница добра, и хозяйка непоседлива. Где же тот хлопец, шо проглядел это сокровище?

– Тю мама! Я ж правду говорю. Завтра Огарка телятку приведе, Тарас Петрович казав.

– Та я ж просто так сказала, умница ты моя. Вот только Тишка сильней твоей силы девичьей, утащит, как пить дать утащит тебя в лес.

– А я Даньку попрошу, он кол за плетнем на лужайке забье, а я траву носить буду. Тишка у мэнэ тихий, як та трава. Вот у Ольги Буян фулиган, так и норовит боднуть, тай под юбку заглянуть. Как вона с ним сладит? Мама! Я сбегаю зараз к Даньке, погутарю про завтра. Что-то я его на майдане не видела, може на рыбалку побег.

Данька сосед. Живет через плетень. Хоть и младше Феньки на год, но друзья они верные. Каждый вечер, на скамеечки у дома, соберутся Ольга, Степка и Данька и болтают до захода солнца о всякой всячине. Хорошо с ними, тепло и уютно.

Даньку Фенька застала во дворе, они со Степкой плели морду для ловли рыбы.

– Данька! Ты шо на майдане не був? Там таке було, таке було! Ой, а шо у тэбэ таке! Чи с крыши свалився? – Фенька заметила, что у Даньки сияет большущий синяк под глазом.

– Отстань Фенька, все равно не скаже – Степка услужливо подавая лозу Даньке, подмигнул Феньке – Тож вин за мэнэ пострадав. Мы як на майдан собрались, мэнэ мий брат Арсений не пустив, казав щоб лошадь почистив. А твий Данька за мэнэ заступився, да увернуться не успев. Вот и пострадал за справедливость. С таким другом я хочь в атаку, хочь в разведку...

Данька и Степка погодки, всего-то по шестнадцать лет. Данька белобрысый, такой мужичок – сбитый в кулачок, а росточком не выше своего плетня. Степка рослый, с копной чернявых, непокорных волос. Дружба меж ними крепкая – не разлей вода! На следующий год заканчивать им школу, но они уже решили, кем будут. Данька, каждое лето помогает батю в артели рыбалить и поправлять сети. Настоящий рыбак. И задумал стать моряком. Захар, батя Данькин, поддерживает его в этом решении, даже присмотрел в Крыму мореходку. Степка грезит небом. Ляжет на лугу, скрестит руки за голову и смотрит часами в небо. Облака плывут мимо, а ему кажется, что это он летит меж облаков. Эх, быстрее бы кончить школу и, айда в летное училище! Только вот брат Арсений ни в какую. Говорит: Дед растил лошадей, отец растил лошадей, и нам с тобой никуда от лошадей не деться.

– Зачем пришла? Видишь нам некогда – Данька деловито работает лозой и все время норовит отвернуться, скрывая свое «сокровище под глазом», – Завтра расскажешь про майдан.

– Так я ж насчет завтра и пришла. Тишка теперь мий. Утром Огарка приведе. Забьешь кол у плетня, щоб я Тишку привязала? Не смогу я сама. Мама каже Тишка в лес утащить.

– Ладно. Сейчас со Степкой что – нибудь придумаем. Скажи Тишке, чтобы даже и не думал в лес сигать.

Утром Огарка привела теленка, и они с Фенькой привязали его к прочному толстому колу. Молодцы хлопцы, на совесть сробили. Не видать теперь Тишке лесу.

...И потекли дни в заботах. Поутру, бросив охапку травы Тишке, бежала Фенька на ферму, где ее ждали еще пятеро голодных телят.

Июнь 41-го выдался жарким. Данила, старший брат Феньки, загонял стадо поближе к лесу, чтобы можно было спрятаться от нестерпимого зноя. Да и сам Данила не выдерживал долго палящего солнца. Давала о себе знать контузия, полученная в финской войне. Только месяц, как выписали из госпиталя. Полечиться бы еще, да Тарас Петрович уговорил. «Ты еще молодой, свежий воздух будет на пользу, да и стадо небольшое, справишься. Переломи меня коромыслом».

В тот день было особенно жарко, и ребята договорились, после утренних забот на ферме, собраться за развесистой ветлой у озера, искупаться. Вода прогрелась, как парное молоко. Так бы и сидел по шее в воде.

– А вы шо здесь сидите? Там у своей хаты Тарас Петрович людэй на собрание, чи на митинг кличет! – Макарка, мальчуган лет восьми, пробежал мимо со свернутыми удочками.

– Ну, шо пойдём? – Ольга нехотя направилась к берегу. Нехотя потянулись за ней и ребята.

– Може опять шо давать будут? – Фенька ускорила шаг, рассыпая по тропинке капельки воды от взмокших кудрей и платья.

И действительно, у хаты Тараса Петровича ставочники сгрудились вокруг столба, на котором висела труба, а от нее в хату бригадира тянулись провода.

– Я бачила таке чудо в районе, – Одарка горделиво повела взглядом вверх голов, – Из ентуй трубы музыка грае, чудно. Тильки звучит хуже Захаровской гармони, уж больно скрипить.

Тарас Петрович с Захаром ковырялись в хате, от чего из трубы слышался шелест, как у камыша в ветреную погоду. Потом шелест немного утих и в дверях наконец-то появился бригадир. Все сразу заметили непривычный вид Тараса Петровича. Всегда озорные глаза, как будто потеряли свой блеск. Казалось, смотрит на всех, но никого не видит. И говорит, будто палкой выгоняет из себя слова.

– Станичники, родненькие послушайте Заявление советского правительства, – и отошел, молча в сторонку...

«Граждане и гражданки Советского Союза!»

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской стороны и со стороны Финляндии...»

– Ой, бабоньки! Я знала, я чуяла. Ночью мой Хома, покойный, приснился, все звал, звал. А сам в грязной гимнастерке, що с гражданской войны пришов! Вийна, ровен час вийна, – баба Хивря схватилась за голову и бессильно сползла у плетня...

«...В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству и что Германией совершено нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной...»

– Як же так? – Данька со Степкой повернули головы в сторону Тараса Петровича, – Военком Якименко казав, що у нас мир с Германией? Тарас Петрович отвел глаза и съежился, будто от озера подул холодный, пронизывающий ветер.

– Цыц, хлопцы, дайте послушать.

«...По поручению Правительства Советского Союза я должен заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное, сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией...»

– Это ж, Молотов читае, министр иностранных дел, вин знае що правда, а що провокация.

«...Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам отбить нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины...»

...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Кто-то начал аплодировать, но через мгновение осекся – вокруг стояла непривычная тишина. Несколько минут ставочники молча слушали шуршание камыша из репродуктора ища ответа в глазах друг у друга и, вдруг все разом заговорили, загалдели, запричитали. Что-либо понять было совершенно невозможно. Кто-то проклинал фашистов. Кто-то пытался вспомнить вчерашний сон. Хлопцы все хором повторяли последние слова Молотова «Враг будет разбит. Победа будет за нами». Но, что на самом деле сейчас произошло, не понял никто.

И Фенька тоже. Ей, вдруг показалось, что из шумящей трубы сейчас снова заговорит дядька и скажет, что все это неправда, что это шутка. Но труба молчала. Фенька вдруг вспомнила, как на крещение привезли брата Данилу из госпиталя. Ждали с армии героя – кавалериста, а приехал калека с контуженой головой. «Будь проклята та война!» – заклинания матери занозой терзали душу. Данила служил в Карелии и ничего тревожного в письмах не писал. Неужели туда пришла война? А скоро придет сюда? – Феньке вдруг стало страшно и захотелось домой...

– Тю, що нам бояться? Красная армия зараз як соберется! Як подниме самолеты на всё нибо, як вдаре из всех пулеметив! Где германцы заховаются? – Данька никак не мог остановиться – Вот побачете, товарищ Сталин за неделю Гитлеру рога пообломае.

Фенька перед хатой замешкалась, «Как я скажу маме про войну? Она еще не оправилась после Данилы, а тут. Посижу лучше с Тишкой, соберусь с силами».

Тишка рад Феньке! Лежит себе в тенечке от плетня. Хвостик туда-сюда. Глаза блестят. Хохолок на лбу игриво взъерошен, як у того парубка. Рад Тишка Феньке!

– Кавалер ти мий! Скучаешь без мэнэ. Ничого, скоро в стадо пийдешь. Хороводы будешь с Буяном крутить на тий поляне. А у меня новость плохая. Зараз по радио казали, що вийна буде, с Германией. Тильки вчора казали що мир, а теперь вийна. Данька казав, що сюды не дойде. А еще Данька казав, що Красная армия Гитлеру рога обломае. Кажи, Тишка, у фашистив рога бильше, чем у тэбэ? Не? Ничого, зато лоб у тэбэ крепкий, як забодаешь, буде Гитлер скакать от страху по болоту, дай и сгине.

Феньке как-то легче стало. Будто сама сразилась в Великой битве с Гитлером, как с тем чудищем болотным, да и скинула его в ту черную яму, что за ставком. Теперь можно идти к маме и успокоить ее – соседи уже, наверное, новость разнесли по хатам...

Июль принес в село новую беду. Все мужчины от 23 до 36 лет получили повестки на фронт. Остались бабы с девками, старики, да хлопцы малолетки. Да Данила, который так и не отошел от контузии. Врач приезжал и сказал, что речь восстановится только через год-два.

Данька проводил отца, а через неделю сам сбежал на войну со Степкой, но их на большаке поймали и привезли домой. Досталось ему от матери! Фенька подслушала, как он, со Степкой, замышлял опять сбежать. Исчез Арсений Яценюк, старший брат Степки. Привезли повестку, а наутро пропал. Вот уже неделю, как не появлялся ни в хате, ни на ферме, ни в военкомате. Мама Феньки совсем сдала. Ноги ослабели; выйдет на огород, а наклонится не может. Тяжело Феньке; и дом на ней, и на ферме забот прибавилось. Тарас Петрович жалеет баб, но что поделаешь; «Потерпите милые, всем тяжело. Скоро ваши мужики погонят немцев и вернуться с победой. Будет полегче, переломи меня коромыслом».

В августе пришли первые похоронки. Из-под черных косынок не сияют больше лукавые взгляды молодок. Да и майдан, по вечерам, больше не рассыпается трелью частушек. Гармошка Захара тоскует по своему хозяину в пыльном углу...

Вчера Тараса Петровича вызывали в район. Возвращаясь, он вновь и вновь вспоминал слова первого секретаря райкома партии: «Товарищи! Обстановка на фронтах остается напряженной. Враг рвется к Донбассу и Кавказу с целью захватить стратегические запасы нефти и угля. Идут тяжелые бои на подступах к Киеву. Южному и Юго-западному фронтам удастся сдерживать превосходящие силы противника. Но есть опасность обхода Киева с севера и северо-востока, а это территория Сумской области. В соответствии с Директивой Верховного Главнокомандующего объявляется мобилизация на привлечении местного населения для возведения оборонительных сооружений. Я не могу, по известным причинам, назвать районы инженерных работ; об этом вас детально проинструктирует товарищ Якименко. Работы будут организованы круглосуточно, поэтому прошу учесть график, порядок бесперебойной доставки людей на объекты, организацию питания, а также количество и исправность инструмента. Нет необходимости напоминать, что планы уборочных работ не отменяются ни на один день. Я не сомневаюсь, что наш район, внесет посильный вклад в общую победу над коварным врагом. Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

В кабинете Якименко, Тарас Петрович долго не мог собраться с мыслями. В голове назойливо застряла и, никак не уходила, тревожная мысль: «Война уже у порога твоего дома! Немцы уже у порога твоего дома! Что я скажу людям? Где взять слова, где взять силы?».

– Тарас Петрович! График доставки людей на возведение инженерных сооружений получишь у председателя колхоза. Могу добавить, что работать будете в районе Глухова или Путивля, или в районе реки Сейм. Руководить доставкой бригад и сдачей работ будет наш уполномоченный. И еще, постарайся убедить людей, что болтать о месте работ и характере сооружений не следует. Но я тебя пригласил по другому вопросу.

– Кузьма Олегович? Кузьма, ты меня пугаешь.

– Ну что ты Тарас Петрович. Время действительно тревожное, но мы должны не пугаться, а действовать! Ты знаком с Сидором Ковпаком?

– Сидор? Да было время, наробили мы с ним гарных дел! Он кажись сейчас в Путивле в председателях райисполкома.

– Так точно. Точнее уже нет. Сидор Ковпак, по заданию партии, возглавил партизанский отряд, который будет действовать в Спадщанском лесу. Сейчас завершается формирование отряда, в составе которого будут действовать также подпольные группы в части разведки обстановки на местах. Вы, Тарас Петрович, человек проверенный, надежный и райком партии поручает Вам возглавить одну из таких групп. В группу войдут пять человек, двое из которых связные. Вам необходимо в течение недели подобрать надежных людей, готовых выполнять ваши поручения. Пол, возраст, национальность значения не имеют. Список жду к 23 августа. Не подведи. О составе группы кроме нас с вами никто не должен знать.

– Непростую задачку вы мне подбросили. Но будьте спокойны, с этим я справлюсь. Есть у меня люди, с которыми я и в огонь, и в воду. Пусть только сунется, вражина непрошенный!

... Не заезжая домой, Тарас Петрович завернул на ферму.

– Огарка! Приска! Где вас носе?

– Туто я! Тарас Петрович, вы уже звернулись? – Приска с навильком сена выпорхнула из-за столба, – Зараз, я тильки сена брошу.

– Передай Огарке, що я ее в хате жду. Як звернется, хай бегом до мэнэ.

– Добре, Тарас Петрович.

Домой Тарас Петрович подъезжал уже под звездами. Юстина нагрела ужин и сама присела рядом.

– Що, Тарас, нелегкий выдался день? Покушай и отдохни трошки, вона под глазами уже круги, словно волны разбежались. Не жалеешь ты себя, не жалеешь. О, вот и Огарка пришла! Заходь, поужинай с нами. Будь ласка

– Спасибочки Юстина! Нехочу я. Тильки перекусила. Тарас Петрович? Звали?

– Да Огарка, разговор есть серьезный. Юстина дай нам переговорить наедине.

– То, что я скажу, тебе не понравится. Ох, не понравится! Переломи меня коромыслом.

Поступила директива о привлечении местного населения на строительство оборонительных сооружений. По графику с 28 августа 12 человек будут работать круглосуточно через день по шесть человек. Две машины, утром, будут забирать людей из Анастасовки и, через Попивщину, Закубанку и Световщину увезут на объект. Место покажет уполномоченный из района. С фермы отдашь четверых, по два на смену. И не возражай! Знаю, что тяжело.

– Зразуею Петрович. Вот тильки где вони люди? Уси на фронте. У мэнэ тильки бабы старые, да девки слабые.

– Не прибедняйся Огарка. Вон Ольга Коваль какая выросла; вчора видел як вона с конякой справлялась! Огонь!. Да и Фенька, хоть и худа, як та лозина, да шустра, як та белка из дубового лесу. Вдовиц отдай, пусть отсохнут от слез своих. Вона у артельщиков одни парубки сети ташут. Теперь тоже на четыре парубка будет меньше, а задание выполняй.

– Ох и умеешь ты Петрович бабу уговорить! Повезло Юстине.

– Это мне повезло с Юстинушкой! Да вот с этими делами дома редко бываю. Обижается. Я думаю, после войны бабам памятники будут ставить в каждом селе. С мужиками было непросто, а тут все на бабьих хрупких плечах. Тоби Захар весточку передав? Где вин сейчас?

– Як из Ромны месяц назад передав, що под Киев едут, так бильше ничего немає. С Данькой намучилась, сил нет. Каже все равно убогу до батьки. Я ж его на ферму забрала, щоб перед глазами.

– Горяч Данька! Хороший атаман с него выйде. Вот закончит школу, отдавай его в командное училище.

– Да вин моряком хоче. Капитаном. Да, чи та проклятуща вийна дасть?

Тарас Петрович, задумался, махнул, кому-то невидимому, рукой и, внимательно посмотрел на Огарку.

– Мне твой Захар, как младший брат был. Доверяли мы друг другу. Тебе я тоже верю. Тильки между нами. Яковенко каже, що Гитлер на Донбасс рвется. Не ровен час завтра, послезавтра Красная армия за Днепр отойдет, для маневру. А это значит, що придется на какое-то время в леса уйти. Сидор Ковпак партизан собирае, пока Красная Армия назад не звернется. Так вот я подумал, може Даньку со Степкой Яценюком на базу забрать? Лишние руки и ноги не помешают. Где дрова нарубить, где коней напоить, а там и погонят немцев, як тих зайцев непрошенных.

– Убив ты мене Петрович! Если бы не знала, що ты брехать не умеешь, огрела бы оглоблей за такие слова! Но если это сохранит ему жизнь, то я потерплю маленько. Вот тильки за Степку ничего сказать не могу. Хлопец хороший, но кажуть люди, що брат его старший Арсений в лес убег. Ты же помнишь, как их отца раскулачивали? Мать Ульяна с ума рехнулась, да и утопла, а отца в Сибирь. Арсений тогда парубком был, с той поры и замкнулся, от людей сторонится. Степка, конечно, другой, комсомолит в школе. Опять же на летчика хоче учиться, мне Данька по секрету казав. Ой не знаю, думай сам Петрович.

– Спасибо тебе Огарка! Успокоила ты меня маленько. Чтобы то ни було, будем надеяться, що до этого не дойде. Поужинай со мной. Устина! Неси еще тарелку!

...С фронта новости все тревожней. Каждый день собирались ставочники у хаты Тараса Петровича. Сводки слушали, молча, и только, когда голос Левитана замолкал, начиналось осторожное обсуждение. У баб одна песня: «Как жить дальше, если поубивают мужиков, да сыновей? Кто же за нехристь такой этот Гитлер? Как зиму будем зимовать, если не отгонят эту вражину?»

Мужики, да какие мужики – песок сыпется, так те еще петушатся: «Погодьте! Красная Армия еще не раскрыла весь свой потенциал! Как было в гражданскую? Кавалерия решала все! Неожиданность, атака – вот и вся стратегия, да тактика!. Вспоминали, как заманивали врага поглубже в тыл, а потом бах-тарарах и наскоком по врагу! Тильки перья летят! Одним словом – маневры!».

Парубки не понимали до конца смысл всеобщего обсуждения, но иногда и им удавалось вклиниться в разговор своими короткими репликами: «Самолетов и танков маловато! Гитлер всю Европу на нас, а у нас тильки с 23 лет на фронт призывают! Молодые смышленные, враз бы, да напором, да с флангов!».

И только зычный голос Огарки мог разорвать этот непримиримый клубок рассуждений.

– Бабы! Мужики! Скильки ж можно языками чесать? Разбреемся! Дела стоять!

...Вот и август уже позади. По ночам прохладно. Со среды заладил дождь – не пройти, ни проехать. По селу еще можно пройти, а вот на окопах прямо беда. Вот уже восьмая смена возвращается с «Объекта»; уставшие, промокшие. Среди них и Фенька. Разбила Огарка их дружную компанию. Фенька со Степкой, Ольга с Данькой. Так и меняют друг друга через сутки. Машина ждать не будет, словом перемолвится некогда. Только Буян, да Тишка не против. Нравится им, что через день их кормят, поят, обнимают такие гарные дивчины! Вот только улыбаться стали меньше и все чаще по щекам пробегают мокрые капельки...

– Доця! Фенечка! Ты ж побережи себя! Бач – жакетка висит, скоро и не заметишь, как потеряешь. – мать жалеючи скрестила руки на груди – Носилки полегче бери, спину не ровен час сорвешь. Я тоби как-то казала, що брат твой Милантий надорвался. Так вин тоже казав, що тильки телегу с картошкой в гору толкал, а через неделю смер.

– Мама! Я ж тоби казала, що не дают девкам носилки. Я стенки у окопив подрубаю, а хлопцы кидають, тай уносят. Да заканчиваем скоро, две смены осталось.

– Що за окопи таки, що третью недилу стильки народу не сробят?

– Как тоби объяснить! Цей овраг, що пид лесом бачила? Так вин, если у нём таки квадратни ямки у бокив выкопати, на наш окоп, как дви капли воды буде похож. И ни яка машина,

ни яка пушка не пройде. А у тех квадратиков солдаты будут стоять, тай отдыхать от ветру. Нимцы тих окопив испугаются и тильки пятки покажут.

– Кака ты у мене уже взросло, да умная. Жалко, что не смогли в школе тебя удержать.

– Ну, что ты мама! Мэни и двух классив хватит. – Данила мэна и читать и писать научив. Мэна бильше ничего не надо. Мама! Я спать хочу. Завтри рано машина прийде.

...Утром пришли две машины. Одна из Анастасовки, а другая из Бобрика. Как объяснил уполномоченный, работы нужно заканчивать раньше. Дождя ночью не было, но все равно зябко. Фенька еще подумала: «Спасибо маме, что настояла поддеть свою душегрейку, а я еще отказывалась дуреха».

На «Объекте» на минутку увиделась с Ольгой и Данькой. Уставшие, с глиною на щеках, ребята хорошо держались.

– Фенька! Глянь, що мы с вами наробили? До горизоту яквив ров! Може ваша смена законче? Как я спаты хочу! Приеду, накормлю Буяна с Тишкой, и храпака до обиду!

– Да и я ни против часок – другой. Вчора с мамкой до звизд гутарили, да и собака Данькина спать не давала – все вое и вое.

– Це вин по мене соскучився – Данька выглянул из под полога машины, – Ольга! Чи ты едешь, чи ты на втору смену остаешься?

– Ладно, подружка! Бери меньше, кидай дальше! А ты, Степка, отвечаешь за нее! Ой, совсем худа стала, подружка!

– Да беги уже! – Степка, своей широкой ладонью легонько подтолкнул Ольгу к машине.

У Феньки, как-то вдруг кольнуло в груди, видя, как подружка машет ей из-под полога.

Подумалось: «Повезло мне с подругой. Готова за меня все отдать, самое последнее. А ты готова тоже за нее все отдать?». Фенька утвердительно мотнула головой вслед уплывающему серому облаку на пыльной дороге...

– Все по местам! Вновь прибывшие прошу получить инструменты! Всем убедительная просьба! Сегодня, через проходы будут проходить воинские части, санитарные обозы, а также возможно прогонять скот. Так вот, от работы не отвлекаться, с посторонними людьми не разговаривать. Вопросы не задавать – это плановый проход и на выполнение нашего задания не должен повлиять, – уполномоченный снял фуражку, вытер вспотевший лоб и, выпрямившись по военному, указал фуражкой в сторону тянувшихся до горизонта окопов.

К середине смены зарядил мелкий дождь, а к концу он уже сыпал крупными каплями. Работы приостановили. Народ рассыпался по траншеям в поисках сухого уголка, радуясь подвернувшейся возможностью хоть немного отдохнуть.

– Гарна гроза идет! Глянь, как бухает! Даже в облаках отсвет виден, – Данька прислушался к раскатам, – Пойду, схожу к кухне, може кипятку выпрошу. А ты найди пока сухую ямку, видать на сегодня шабаш. Скоро смена. Да что ж це бухает?

Фенька прошла по траншее, но все ямки были заняты, и только в самом конце устало опустилась на еще не остывший песок. Стенка тоже отдавала теплом – стало как —то уютно, как дома. «Какая ж я молодец! – уже в дреме пробормотала Фенька и еще крепче прижала к груди душегрейку...

...Машины со следующей сменой упорно пробивались по размокшей дороге. Ольга пыталась подремать, но машину так бросало по сторонам, что голова натыкалась на сидящих справа и слева людей. Данька вспомнил вчерашнюю сводку с фронта:

«Точных данных о положении частей сороковой армии нет. Противник развивает наступление четвертой танковой дивизии с одной моторизованной дивизией на юг между Бахмач и Конотоп и третьей танковой дивизией в направлении Глухов, Ворожба. По донесению начальника штаба армии в боях, с шестого по девятое августа, частями армии уничтожено до девяносто танков противника».

Как-то не верилось, что это возможно, что Красная армия не всех сильнее, что не хватает сил враз победить Гитлера. Если бы его, Даньку, взяли на фронт, он бы...». Но, чтобы он сделал Данька, не додумал – где-то так бухнуло, что стихли бабские пересуды в левом углу.

– Куды едымо? – Дарька открыла ухо из под косынки, – Бач який громака. Зараз дождяка як вдаре, будемо ведрами копать цы окопы.

– Да не, це далеко, даже молнию не бачу – Иванчиха, глянула из-под полога на небо.

Вдруг трясти перестало – это грузовики выехали на большак. На большаке вокруг все изменилось с прошлого раза. Слышался топот и рев коров. Какие-то телеги с людьми и скрабом тархтели навстречу. Машины с красными крестами непрерывно гудели и сигналили фарами, пробивающимся навстречу потоку, грузовикам.

– Ну вот, скоро будем на месте, – Данька поискал съехавшую под скамью котомку.

Машины затормози у кухни, бабы потирали затекшие ноги. Данька спрыгнул на землю.

– Отставить! – навстречу из толпы, сгрудившихся у кухни людей, выскочил какой – то военный и замахал руками, – Отставить, назад! Из машин не выходить! Уплотнитесь! Быстро грузимся! – крикнул военный в сторону толпы. Данька еле успел заскочить назад, тут же кузов стал заполняться новыми людьми. Шум, гам, причитания.

– Що случилось? – Ольга прижалась к борту, освобождая место испуганной женщине.

– А вы послушайте! Це немецкие танки так бухают, так бухают! Нам казали що становится опасно, – женщина поджала ноги, давая возможность уместиться напирющим людям.

– Фенька! Степка! – Ольга выглянула из – под полога, стараясь разглядеть среди, бегущих к машинам, людей знакомые лица, – Фенька! Степка! Сюды!

– Уезжай! – военный торопил шофера, – Немедленно уезжай!

Данька еще раз пробежал взглядом трогаящиеся грузовики и, кажется, заметил Степкину кепку, исчезнувшую под пологом соседнего грузовика.

– Кажись я бачив Степку, – Данька облегченно вздохнул, – Воны в ту машину заскочили, що из Бобрика прийшла. И уже сам себе добавил: «Вот вам и дождяка буде! Вот вам и громака...».

Всю дорогу ставочники, пока ехали назад, не давали покоя очевидцам. Что говорили военные? Надолго это? Откуда взялись так близко немцы? А может, это наши войска навели артобстрел, чтобы напугать немцев? Но все, кто работал на смене, в один голос повторяли: «Ничего не знаем. Приехали военные, сказали быстро собраться на погрузку и разъезжаться по домам. Даже уполномоченный наш ничего объяснить не мог».

Приехали за полночь. Машина, в которой ехали Ольга с Данькой, завернула к хате бригадира, а вторая, не останавливаясь, помчалась на Бобрик. Когда ставочники спрыгнули, она уже скрылась за поворотом. Все смены были на месте, только Степки и Ольги нигде не было видно.

– Данька! Вини що не остановились? Шість киломитрив им придется пешком возвращаться. Чи заснули? Придут, заругаю!

Поутру хлопнула калитка у Данькиной хаты.

– Данька! Ты дома? Пишлы сводку с фронта слухать! – Степка выглядел спокойным, – Ольгу с Фенькой возьмем. Тильки Фенька, наверное, не пийде, вина так умаялась, що десятый сон выглядае.

– Не понял! – Данька с растерянными глазами уставился на друга, – Фенька разве не с тобой приехала? Я же видел, как вы в ту машину залезли!

У Степки как-то нехорошо похолодело где-то внутри.

– Мы вместе были, когда я пишов за кипятком. Фенька осталась ждать в окопе. Когда я возвращался – навстречу уже бежали люди. На мисте Феньки уже не було. К машинам прибежал последним и в нашу машину залезть не смог, пришлось прыгать в соседский грузовик. Я був уверен, что вона к вам запрыгнула. Що теперь буде? Може яка друга машина була? Що

там творилось! Що я матери скажу! Може подождем, який ций транспорт еще прийде? Зачем я за тим кипятком поперся? Думава, согрею дивчину, як той кавалер. Согрел...

По дороге ребята забежали к бабе Ане, справиться о Феньке. После сбивчивого рассказа Степки, баба Аня выглядела как-то спокойно.

– Моя Фенька дивка шуэтра! В беду себя не дасть! Може знакомец с собой взял в Попивщину? Зараз отдохне и вин ее привезе. Я чую! Тильки я не знаю – Ольга теля попоила? Вы бы заскочили туды, бо я на ноги с утра не могу пиднятыся

– Добре, баб Аня, – ребята заторопились, – Зараз сводку послушаем и Тишку проведеаем

Голос Левитана в этот раз показался ребятам немного растерянным и немного приглушенным:

«... Отряды Чеснова занимают фронт от Теткино, река Сейм до Путивля, прикрывая направление Ворожба. Перед фронтом до ста танков противника и до двух батальонов мотопехоты противника, действующих с направления Волокишино...».

– Да это наши окопы! Вчора я подслушал разговор среди приехавших перед вами солдат. Вони казали, що ихний командир генерал – майор Чеснов свое дело знает. Здесь якогo-то Гудериана на цей оборонительной линии и закопае!

– Это що значить? Нимцы уже там? Пишли к Ольге, може Фенька приехала.

Возле плетня, где был привязан Тишка, грудился народ. Ребята ускорили шаг.

– Я пришла, а вид лежить! Пена так и лье, так и лье! И глаза закатывае! – Ольга уткнулась в плечо Озарке, – Видро пустое, я хотела за водой сбигать, а вин лежить и хрипить!

– Ох, не хорошая эта примета! – бабка Хивря завела свою вечную песню, – Це вин о близком чиловике страдае! Беда где-то рядом гуляе! А це теля хоче на себе ту беду завернуть! То я бачу, що Анна в последние дни хворобу на себе приманивае. Тяжело буде Феньке одной за тим братом контуженым ухаживать.

– Язык тебе оторвать Хивря, да в той ставок рыбаам бросить, хай вони в том омуте брешуть.

Подъехавший ветеринарный врач посмотрел в глаза затихшему бычку и, вздохнув, промолвил, что поздно.

– Боюсь, что отравление. Или тряпка грязная попала.

Данька тогда подумал: «Хорошо, что Фенька всего этого не видит. Что – то загулялась она в гостях», и с щемящей тоской поглядел на необычно багреющий сегодня закат...

Глава вторая

293 стрелковая дивизия сороковой армии отступала на восток. Отряды Чеснова, прибывшие на смену бойцам, с грустью пропускали поредевшие батальоны, измотанные в боях с 3-й и 4-й танковыми армиями Гудериана.

Да какие там батальоны? Батальоны остались там, между Бахмачом и Конотопом, в еще не остывшей земле украинского полесья. Осенние цветы, взметнувшиеся к небу разрывами танковых снарядов, осыпали навечно их нерукотворные могилы. Вот идет первый батальон, прижавшихся к телеге четырнадцать, почерневших от гари и пыли, бойцов. Вот второй батальон в составе восемнадцати человек устало волочет, упирающуюся в разбитую колею пушку. Три дня назад их было 500. Вот третий батальон, оставивший по берегам реки Сейм больше половины своих солдат, помогает ползти по размокшей дороге повозкам с ранеными. Триста девятнадцатый медицинский санитарный батальон самый многочисленный на этой дороге. На каждой телеге по десять, а то и по двенадцать бойцов. Вот только стонут они от каждой ухабины. Фельдшер Сара, капитан медицинской службы, перебегает от телеги к телеге, подгоняя сестер и санитаров:

– Василий Дмитриевич! Смотри, голова у бойца с упора сползла, ты уж следи за ним.

– Леночка! Нашатырь в третьей телеге, не давай ему спать!

– Ты куда солдатик спрыгиваешь? У тебя же трещина! Успеешь еще помочь, постарайся до госпиталя ногу не беспокоить.

Две головные машины с тяжелоранеными вдруг остановились.

– Все, щабаш, тупик, – водитель выскочил из кабины и почесал затылок, – Ров есть, а прохода нет! Хоть бы табличку поставили, мать вашу тыл.

Воспользовавшись неожиданной передышкой, бойцы повалились на землю – кто, где стоял.

– Наташа! Поручи своим девчонкам разнести воду по телегам, пусть попьют, пока стоим, – Сара Максимовна направилась к головным машинам.

Василий Дмитриевич санитарил с самого начала войны, с самого Бреста. Сара ценила его за невероятное чутье, за способность выкручиваться из любой трудной ситуации. Хоть и перевалило Дмитричу, как его называл медперсонал, за пятьдесят, но бегал он как молодой попрыгунчик. Девчата говорят, что Дмитрич шило в детстве проглотил. Вот и сейчас, когда все разметались валом по траве, пошел осматривать свежерытые окопы:

– Пойду, пройду до ветру, – Дмитрич подмигнул напарнику.

Метров за сто зеленел небольшой лесок, прикрывая от ветра левый изгиб окопов. «Пойду, посмотрю, какие нынче в этих краях грибы», – Дмитрич уверенно зашагал в сторону подлеска.

Возвращаясь, назад по кромке окопов еще подумал: «Непорядок, кругом оставленные кем-то носилки, лопаты, кирки, а рядом никого нет. Видать срочность, какая согнала». «Возьму – ко я вон ту лопатку с короткой ручкой, в дороге пригодится», – Дмитрич лихо спрыгнул в траншею.

Взяв лопатку, хотел подняться здесь – же. Ан нет, не хватает росточка, – Дмитрич пошел вдоль траншеи, подыскивая удобное место.

– Да, видать торопились, – Дмитрич нашел пологий склон и примерился, куда поставить ногу и, вдруг справа, метрах в трех, увидел торчащие из земли шаровары в калошах.

– Свят, свят, свят! Закопали! Своего закопали! – Дмитрич ошалело скатился опять на дно траншеи. От вскрика Дмитрича калоши зашевелились и, из окопного «кармана» выскочила заспанная, ничего не понимающая девчушка лет шестнадцати, семнадцати.

– Степка! Мама! Куды вси подывались? – девушка протерла заспанные глаза, – Дядько! Я тильки на хвилинку лягла. Дядько! Помогите найти Степку, вин за водой побиг. Дядько, мне страшно, дядько! Я тилько хвилинку, тилько хвилинку!

– Хватит реветь! Всю траншею затопишь, – Дмитрич, кажется, догадался, откуда взялось это ревущее чудо в телогрейке, – Как звать тебя, кудрявый ангел?

– Фенька, – девушка умоляюще смотрела на своего спасителя, – Дядько, не бросайте меня! Отвезите меня домой, у мене мама хворая, вона мене жеде...

– Ладно, давай руку, пойдём к своим.

У машин оживление. Все, кто сидел, повскакивали с травы и сгрудились вокруг, затормозившего на полном ходу, армейского газика.

– Кто старший? – майор с седой прядью выскочил на дорогу.

– Ранило нашего комбата, – Сара Максимовна, показала рукой на первую машину, – Плохой он, а что случилось?

– А то и случилось, что в километре отсюда немецкие танки прорвали фронт и через час другой будут здесь! Немедленно прошу покинуть оборонительную линию. Справа в ста метрах есть проход для транспорта. Через полчаса здесь не должно быть людей. Повторяю, немедленно покиньте оборонительные сооружения!

– Товарищ майор! Не можем мы быстро. У меня в двух телегах тяжелораненые, а машины переполнены, друг на друге лежат.

– Кузнецов! Где Кузнецов? Подгоните два грузовика, пусть быстро перегрузят тяжелых. Километров через пять по большаку перегрузите людей опять на телеги и возвратите машины обратно на позиции. Выполняйте!

– Товарищ капитан медицинской службы! – Дмитрич подвел к фельдшеру дрожащую от страха Феньку, – Вот, нашел в окопе. Говорит, что потерялась. Что мне с ней делать?

– Этого еще нам не хватало! Посади ее к тяжелораненым в машину, по дороге разберемся. Заканчиваем! Трогаем!

Отъезжая от окопов Фенька растерянно наблюдала из-за борта грузовика, как быстро заполняли солдаты свежеврытые окопы, как нарастал шум приближающихся раскатов.

– Сестричка! Нога! Немеет! Правая. Помогите, – чья-то рука потянула Фенькину душегрейку, – Помогите сестричка!

– Вы мене? Зараз я, – Фенька попробовала освободить из-под лежащего солдата зажатую чьим-то телом ногу. И у нее получилось

– спасибо милая, у меня аж голова закружилась. Что-то я тебя раньше не видел. Новенькая?

– Ни, я от ставочников отстала. Вони домой уехали, а мене в окопах забыли.

– А откуда вас привезли? Может по дороге завезут? Наверное, родные беспокоятся?

– Со ставка мы. Есть сило рядом, кажись Попивщина, – Фенька вдруг представила, как мамка ждет ее со смены и слезы опять полились на душегрейку.

– Поповщина? Подожди, вчера была Поповщина, поутру проскочили. Так ведь там уже немцы! И в Глухове немцы. Вот беда-то какая, ведь мы едем на Ворожбу – это в другую сторону. Вот беда-то! Но ты радоваться должна, дуреха! Судьба от немцев тебя повернула! Жить будешь долго! А домой возвернешься еще, порадуешь мать. Сколько годков – тебе слезливая?

– Семнадцать на Рождество було. Що зараз буде? Що мене робить?

– Так ты уже дивчина взрослая, а я подумал шестнадцать годков, а то и меньше. Щупленькая ты больно. Но руки сильные – вона как мою ногу выдернула! А ты знаешь, что сделай. Попроси нашего врача, чтобы при санитарном взводе оставила. А назад будем фашистов гнать – ты у своей деревни и соскочишь. Скоро из Сибири подкрепление придет – бежать Гитлеру, пока портки не потеряет.

Колона остановилась. Большак еще не разбитый. Раненные немного отошли от ухабов проселочных дорог. Ехать бы, да ехать, до самого госпиталя.

– Василий Дмитриевич! Организуйте перегрузку тяжелораненых обратно на телеги, машины возвращаются обратно на фронт. До Ворожбы уже недалеко, к утру будем на месте. Девочки, все на помощь санитарам! Осторожней с переломами и брюшными ранениями!

Фенька и не заметила, как спрыгнула с машины, как начала помогать медсестрам и санитарам. Поддерживать носилки, держать головы, руки, ноги. Ей знакомо было это чувство. Выхаживая, заболевших или слабых телят она чувствовала эту боль, этот блеск жаждущих помощи глаз, этот утихающий стон от прикосновения нежных и ласковых ладошек. И когда последнего раненного положили на телегу, вдруг ощутила близость с этими незнакомыми ей людьми. Они мне нужны, а я нужна им! И Феньке стало легче на душе. Когда к ней подошли Сара Максимовна и Дмитрич, в ее глазах уже не было ни одной слезинки.

– Ну что дивчина, будем прощаться. Как звать? Откуда ты к нам прибилудилась? Небось дома уже волнуются? – фельдшер с высоты своего могучего роста оценивающе оглядела это хрупкое, дрожащее существо, – Дмитрич, давай карту, разберемся на местности.

– Это Фенька! Она из Поповщины. Вчера их привезли на рытье окопов и, в суматохе, потеряли. Вчера, когда проезжали Поповщину, немцы уже были на хвосте. Не будете – же Вы ее назад к немцам отправлять. А девочка хорошая, смышленная. Всю дорогу мне помогала. Руки у нее для нашего дела нежные и добрые. Оставьте ее товарищ капитан медицинской службы, не пожалеете, – солдатик, что ехал с Фенькой в машине, даже привстал с телеги.

– Отставить раненный! Не положено нам брать гражданских лиц без оформления по всей форме. Попадем под бомбежку – кто будет отвечать?

Фельдшер уткнулась в карту, долго водила пальцем по запутанной сетке только ей видимых дорог, как будто решая какую-то неразрешимую задачу и, вздохнув, вернула карту Дмитричу.

– Фенька говоришь, Федора значит? Забыли, значит? А сама что молчишь?

– Не бросайте меня тетенька! Я не знаю куда идти. Я помогать буду.

– А что ты умеешь делать, горе ты Федорино?

– Я все могу. Полы мыть, стирать, кашу варить. На ферме мы с Ольгой все робили – и теляток кормили, и клетки чистили. Лошадь умею запрягать. Тильки быков боюсь, вони рогами мотають. Тетенька, не бросайте мене!

– Ну, ты прямо сокровище! Все она умеет! Небось, кровь увидишь, в обморок шмякнешься?

– Ни! У том мисяце Ольга, подруга моя, коленкой корягу на озере зацепила, так я нисколечки не испугалась. Пока до хаты дошли я три раза ту кровь вытирала. Тётчка! Возьмите меня! – Фенька вдруг подошла и прижалась к груди доктора.

– Ну что с тобой делать? Попадет мне за тебя. Ох, попадет! Дмитрич! В Ворожбе решим окончательно, а пока бери ее под свою опеку. Пусть Наталье с Леной поможет, что надо, – Сара Максимовна улыбнулась и нежно провела ладонью по Фенькиным кудряшкам, – А ты дивчина не называй меня тетенькой. Так и быть – для тебя я Сара, просто Сара. Договорились?

Фенька утвердительно замотала головой и, отойдя к Дмитричу, уткнулась ему в плечо.

На станции Ворожба их встретил главный врач медицинского санитарного батальона полковник медицинской службы Демиденко.

– Добрались таки, какие Вы молодцы Сарочка! Мне уже доложили, в какой водоворот попал ваш батальон. Потом расскажешь, а пока всех тяжелых и средних в сортировочный пункт и на санобработку. Получен приказ командира дивизии – в течение двух часов погрузится в вагоны. Новое место дислокации – Новый Оскол под Белгородом. Баню организовать не могу, не успеем. Медикаменты получишь во втором вагоне. Как с медперсоналом?

– Двоих за неделю потеряла! Раненных много, но стараемся. Приедем на место, буду просить еще персонал. Санитары нужны. Вчера девочку подобрали в окопах – от своих отстала. Хотела по дороге оставить, но не смогла, пожалела. Говорит из Поповщины, а там уже немцы. Как думаешь, не сильно рискую? Девочка старательная, да вот только документов при ней нет. Если оставлю на вокзале – пропадет.

– А сколько ей лет?

– Говорит, через три месяца, восемнадцать исполнится.

– Я тебе вот, что посоветую. Если она из деревни, то паспортов у них нет. Когда исполнится восемнадцать, можно справку выправить и на довольствие поставить. Если конечно уверена, что не сбежит. Будут проблемы, скажи – я переговорю с вашим командиром батальона. Ну, давай командуй. Я буду в первом вагоне.

Загрузились быстро, помогли легкораненые. Фенька носила белье, с опаской поглядывая на Сару Максимовну и, когда увидела, что та направляется к ней, замерла. Сердечко тюк, тюк, так и выскочит.

– Фенька! Быстро в вагон! Отправляемся.

Феньке два раза повторять не надо. Уже через секунду, с радостными слезами на глазах, она сидела на матрасе у дверей, прижавшись к Наталье.

– Фенька! Ты чего такая радостная, как будто в санаторий собралась? А ли знакомых встретила?

– Сара сказала: «Шибко в вагон!», – Фенька никак не могла справиться с дрожью в коленках. И, не было ей, в этот миг, никого родней грозной Сары, уставших медсестер, пыхтящего махоркой у дверей Дмитрича. И даже легкораненые казались ей уже совершенно здоровыми.

Когда состав уже набрал обороты, послышался гул самолетов и разрывы ревуших снарядов. Дмитрич в углу перекрестился.

– Спасибо, ангел – хранитель! Спасибо господи! Пронесло.

Новый Оскол встретил тишиной. Если бы не серьезные лица людей, можно было принять городок за небольшой санаторий. Санитарный взвод разместился в пристройке к дому культуры. В большом помещении, где вероятно размещался то ли спортзал, то ли танцевальный кружок, было прохладно. Но не холодно. Медперсонал разместился в комнате – гардеробной. Нашлась маленькая комнатка и для Фельдшера. Сара Максимовна, вернувшись от нового командира батальона, провела небольшую планерку.

– Задача такая. Пока дивизия получит пополнение и вернется на фронт, мы должны вернуть в батальон всех легкораненых, а также пополнить запасы медикаментов. И на первом месте чистота. Полная чистота в помещениях! Чистые постели, чистое белье, чистые бинты. В любую минуту! Спрашивать буду строго.

И потекли денечки в заботах и суматохе. Феньке было совсем не трудно. Медсестры довольны ее помощью. Даже подбадривали.

– Ловко ты справляешься! – Лена повыше на голову, да и в плечах пошире, – Натрудила ты меня Фенька до мозолей.

Фенька готова работать хоть до утра. Лишь бы отогнать от себя тревожные мысли о доме: «Как там мамочка моя? Как Данила? Ольга, наверное, искать устала, бедная подружка. Тишка истосковался». Слез уже тоже нет. Выплаканы и пролились они на поля простыней, на километры окровавленных бинтов, на наволочки раненных бойцов. «Им, этим молодым хлопцам, в тысячу раз тяжелей, чем мне», – думала Фенька, перестилая постели, помогая Лене и Наташке перематывать повязки. «А домой я скоро вернусь!» – Фенька каждый вечер, засыпая, повторяла, как молитву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.